

ПЕРВЫЙ вопрос никак не придумывался. Конечно, можно было спросить: «Ваши творческие планы?» или: «Любите ли вы путешествовать?», но все это как-то не очень годилось для начала. И тут нам на память пришли строки из повести Фазила Искандера «Созвездие Козлотура»: «В один прекрасный день я был изгнан из редакции одной среднерусской молодежной газеты, в которой проработал неполный год. В газету я попал по распределению после окончания института».

Они, эти строки, и определили начало нашего разговора.

— Фазиль Абдулович, когда-то вы были журналистом. Представьте на минуту себя снова в этой роли. Вот вы приходите к себе, теперь уже зрелому человеку, известному писателю. Какой бы вопрос вы задали себе в первую очередь?

— Пожалуй, тот, который задаю в одном стихотворении, есть у меня такое стихотворение «Баллада о блаженном цветении»: «Что жизнь хотела от тебя, что ты хотел от жизни?»

Самым страстным моим желанием в жизни, при всех моих ошибках и слабостях, свойственных, наверно, почти каждому человеку, самым страстным моим стремлением было стремление к ситуации бескорыстия, то есть желание, чтобы все, что я делаю, говорю, о чем пишу, все, ради чего существую, проходило под знаком бескорыстия. Конечно, такое стремление рождало мечту об ответном бескорыстии жизни, людей, близких и дальних.

— Фазиль Абдулович, у вас, наверно, было счастливое детство.

— Почему вы так решили?

— Потому что детство в ваших произведениях предстает всегда щедро согретым любовью. И людей, и природы.

— Вы знаете, я не могу сказать, что детство у меня было таким уж безоблачным. Оно было и счастливым, и во многом драматичным. Но, может быть, отчасти и поэтому я вспоминаю его наиболее счастливые минуты...

Размышляя о писательском труде, Хемингуэй когда-то перечислял необходимые условия становления личности художника. Одним из условий он называл несчастливое детство. С этим можно согласиться, можно не соглашаться. Я бы сказал, что здесь возникает сложная дробь, которая состоит из числителя — суммы жизненных испытаний и знаменателя — силы личности. При определенном количестве испытаний, если так можно выразиться, и очень сильной личности в итоге получаются мощные творческие результаты. Горький, Достоевский, Чехов... Но иногда бывают и трагические несоответствия. Личность, например, не выдерживает, разрушается. Так порой недостаточен прочный фундамент не выдерживает давления стен.

— Фазиль Абдулович, вас иногда называют юмористом. А после того, как вы выступили в телевизионной передаче «Вокруг смеха», такая репутация за вами закрепилась еще больше. Не кажется ли вам, что в понятии «юморист» кроется некая ущербность? Вот, мол, все время шутит, а серьезного от него не жди.

— Нет, не кажется. Юмор — очень ценный дар, который всячески надо культивировать. Ну, конечно, плоский и пошлый юмор так и остается плоским и пошлым, не о нем речь. Мы говорим о настоящем юморе. Недавно я читал воспоминания о Льве Толстом, где Толстой сожалеет о том, что в русской литературе так мало

чистого юмора. Вот и Чехов, говорит он, стал писать грустные рассказы... Признаться, я не знал о таком отношении Толстого к литературному юмору.

— В одном из ваших рассказов, Фазиль Абдулович, — он называется «Начало» — вы рекомендуете свой способ овладения хорошим юмором. Вы пишете: «...чтобы овладеть хорошим юмором, надо дойти до крайнего пессимизма, заглянуть в мрачную бездну, убедиться, что и там ничего нет, и потихоньку возвращаться обратно. След, оставляемый этим обратным путем, и будет настоящим юмором». С тех пор, как вы написали это, прошло много лет. Возможно, у вас появились новые определения юмора.

— Недавно я написал стихотворение, называется оно «Остроумие». В нем я попытался осветить еще одну грань юмора, что ли.

— В чем остроумие, природа?

— Души внезапная свобода

«Меня, — кричит нам, — изрек!»

И словно рыба из реки,

Выпрыгивает с языка

На радость нам и остряка.

— А вот наш друг к нам ходит в гости,

Он остроумен только в злости.

В чем остроумия секрет?

Верней, чем пыл его согрет?

— Вот вам ответ, если угодно:

Во зле душа его свободна.

Иными словами, я считаю, что юмор есть некий выход в свободу, склонность к свободе, одаренность свободой. Злой человек бывает свободен только во зле, он и остроумен во зле.

Кто превзошел всех чувством свободы, так это Пушкин. Я думаю, что глубинная причина привязанности к Пушкину, может быть, не всеми осознаваемая, но всеми чувствуемая, — это его высший тип духовной свободы. Он никуда никого не толкает. Он как бы говорит: Хотите принимать, хотите — нет. Это высочайший такт, который никого ничем не оскорбляет. Феномен Пушкина связан и с юмором его.

— Считаете ли вы, что юмор имеет право быть непонятным хоть для кого-то?

— Если не брать в расчет людей, глухих к смешному, то в принципе юмор высшего литературного класса должен быть понятен всем. Идея народности литературы легче всего прослеживается в юморе. Народность литературы — категория высочайшего философского значения. Она вмещает в себе и проблематику всенародной важности, и принцип понятности.

В развитие этой мысли можно добавить, что, с одной стороны, не народная дурная элитарность с ее нарочитым языком и приемами, а с другой — не народная

и пошлая, низкопробная, хотя и всем понятная литература, потому что пошлость не возвышает и не облагораживает человека. Например, Тютчев писал для всех, и если сегодня не все понимает, о чем он писал, то в идеале мы должны считать, что в будущем Тютчев станет понятен всем.

— У кого вы учились писать?

— Сильнейшее воздействие на меня оказал Толстой. Самым глубоко потрясшим меня чтением была «Анна Каренина». Я даже хорошо помню дату... Было это в 1942 году, мы бежали с мамой от бомбежек из Сухуми в абхазскую деревню, и вот тут мне, тринадцатилетнему, и попалась случайно на глаза эта книга. Прочитав ро-

Воскресные МК
ВСТРЕЧИ

«ДУШИ ВНЕЗАПНАЯ СВОБОДА»

У нас в гостях писатель
Фазиль ИСКАНДЕР

ман, я несколько дней ходил, как сумасшедший, и даже придумал какую-то траурную мелодию на смерть Анны.

Влияли на меня и такие писатели, как Достоевский, Бабель, отчасти Фолкнер и Хемингуэй. Почему я считаю, что у этих писателей я чему-то учился? Ясно помню: читая их, я испытывал ощущение, что они открывают что-то внутри меня, какую-то неизведанную область моей души. И подсказывают мне мои же возможности. На мой взгляд, это и есть единственно правильный вид литературной учебы.

— Что такое, по-вашему, мастерство? И какое значение имеет в писательском деле овладение литературной техникой?

— Быть в литературе мастером, по-моему, означает прежде всего создавать и поддерживать полноту самоотдачи, полноту выворачивания души. Мастерство, может быть, в большей мере заключается в подготовке к творческому процессу, чем в самом творческом процессе. Неотвеченное письмо, на которое надо было ответить перед тем, как садиться писать, способно помешать куда более неправильным образом, чем незнание тех или иных современных приемов. Душа художника должна быть свободна, должна ощущать свою ответственность, полноценность и право на суд. А сами приемы приходят в процессе вдохновенной работы. Я, конечно, не хочу унизить идею мастерства. Но само по себе искусственное выпячивание этого вопроса, знаете ли... Некоторые делают это для того, чтобы набить себе цену. Другие, будучи людьми честолобивыми, но духовно наивными, думают, что каким-то алхимическим путем овладения мастерством они станут хорошими художниками...

— Существует ли возраст, когда становится писателем уже поздно?

— Никогда не поздно, если есть что сказать. Повторяю, техника письма по существу минимальна. Вспомним безграмот-

ного Бенвенуто Челлини, который на склоне лет продиктовал свою гениальную книгу мальчику-подмастерью... Представьте себе старого мастера, сидит он за верстаком, что-то там такое делает руками, может быть, чеканкой занимается и диктует мальчишке, который даже понятия не имеет, что такое абзацы... В результате получилось произведение человека великой жизни, а главное — великого художественного мышления.

— ДАВАЙТЕ теперь вернемся к «Началу». Мы имеем в виду ваш рассказ «Начало». В нем вы, помнится, не без иронии писали, что единственная особенность москвичей, которая осталась вами неразгаданной, — «это их постоянный, таинственный интерес к погоде». И что вы перебрались в Москву «именно с целью изучения глубинной причины интереса москвичей к погоде». Ну и как, вы что-нибудь выяснили?

— Мне кажется, это объясняется любовью москвичей к объективной информации...

— А теперь, когда вы уже все знаете о москвичах, осталась ли у вас потребность в этом городе, испытываете ли вы к нему такие же нежные чувства, как, скажем, к вашему родному Сухуми?

— Видите ли, Сухуми — город детства, юности, город первой любви. Там особый сюжет. А Москва... Москва — неисчерпаемый источник отечественной и мировой культуры, значение ее огромно. Во всех остальных смыслах писательское существование в большом городе затруднено.

— Как вы относитесь к славе, популярности?

— В славе есть дурная сторона: это — нарушение автономности существования.

— Нет ли у вас ощущения, что вы чего-то недобираете у жизни или что жизнь вам чего-то недодала?

— Я думаю, что есть... Я думаю, что это ощущение даже необходимо. Тогда писатель компенсирует эту «неоданность» в художественном творчестве. Дар требует тебя всего, но ты — человек и как человек хочешь еще чего-то. Если ты настоящий художник, то в конце концов выбираешь музу, но комплекс неудовлетворенности жизнью все же остается. Он-то и дает толчок к полноценному творчеству. Ты как бы думаешь: «Ну уж это я хотя бы должен делать, как следует».

— Фазиль Абдулович, чувствуем, все-таки придется задать этот вопрос...

— Какой?

— Ваши творческие планы?

— В этом году хочу закончить «Сандро из Чегема». Очень большим получается этот роман. Продолжаю писать стихи, много раздал по журналам. Может быть, хватит сил и терпения принести в издательство новую книгу стихов. Отдал Ленинградскому молодежному театру пьесу...

ЧТОБЫ поставить последнюю точку в этом интервью, мы позволим себе снова процитировать строки Фазила Искандера.

«Смешное обладает одним, может быть, скромным, но бесспорным достоинством: оно всегда правдиво. Более того: смешное потому и смешно, что оно правдиво. Иначе говоря, не все правдивое смешно, но все смешное правдиво».

Беседу записали
А. ГВИЛАВА,
Л. НОВОЖЕНОВ.

НА СНИМКЕ: Фазиль Искандер с сыном Сандро.

Фото С. ЖАВИНА.

24 АПР 1983
МОСКОВСКИЙ РАДИОМОДЕЛЬ
г. Москва